

*О.В. Мащитько,
доцент кафедры философии
Белорусского государственного
университета культуры и искусств,
кандидат философских наук*

ПОДЛИННОСТЬ КАК ДЕЙСТВЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

Сегодня мы живем в эпоху инфляции языка, в эпоху, когда слова утрачивают ценность и действенность, стирается грань между истинным и ложным, а вопрос о соответствии языка реальности зачастую воспринимается как некорректный. Проблема обесценивания языка неоднократно поднималась в рамках современной философии, главным образом эта тема характерна для теоретиков постструктурализма. Так, об инфляции языка пишет Ж. Деррида, указывая на обесценивание самого слова *язык*, доверие к которому «изобличает небрежность словаря, желание соблазнить по дешевке, пассивное следование за модой. Наша историко-метафизическая эпоха должна определить целостность своего проблемного горизонта именно через язык» [1, с. 119]. Чтобы осуществить понимание нужно расчистить язык, текст от предыдущих культурных наслоений, вернуть словам первоначальный смысл. Проблема обесценивания языка затрагивается Ж. Бодрийяром в его описаниях эпохи симуляции.

Лингвистический поворот в философии начала XX в. был во многом обусловлен интенцией поиска подлинного языка, под знаком которой инициировались различные проекты реформирования языка:

- процедуры верификации в аналитической философии, освобождение языка от метафизических установок;
- возврат к «бытийному» языку у М. Хайдеггера, уход от бытовых значений, обыденного словоупотребления;
- проект «универсальной грамматики» Э. Гуссерля, в котором акцент делается на устранении многозначности и неопределенности в языке;
- проект деконструкции у Ж. Деррида, в котором осуществляется ревизия западной философской традиции как «этноцентрической метафизики». Список можно продолжить.

Ярчайшим представителем концепции языка, трактующей подлинность как действенность, является О. Розеншток-Хюсси.

Мыслитель называет *ряд критериев*, свидетельствующих о так называемой силе языка.

Во-первых, подлинный язык, в понимании Розенштока-Хюсси, является социально действенным феноменом. Он обладает способностью творить социальное. В силу этого природа языка объяснима через рассмотрение его «социальных свойств», а объектом философии языка Розенштока-Хюсси являются лишь грамматические формы, имеющие «социальные последствия»: «Язык – это пространственно-временной физический процесс, обладающий общественной значимостью» [4, с. 123].

Во-вторых, Розеншток-Хюсси указывает на «терапевтическую» функцию языка по отношению к различным негативным сторонам общественной жизни. В качестве основных «социальных бедствий» называются анархия, упадок, революция и война. Все эти общественные явления Розеншток-Хюсси считает «доисторическими», «доязыковыми ситуациями», при которых необходим своего рода «возврат к языку», «артикуляция». Явления эти вызваны теми или иными «болезнями языка». Во время войны язык замыкается в границах каждого из воюющих. Революция первоначально не артикулирована, для ее полного осуществления необходим новый язык, поскольку она совершает насилие над существующим миропорядком, пытается утвердить собственный. В период упадка общество слишком артикулировано, возникает лицемерие, повторение старого. В результате общество теряет способность жить для будущего, для последующих поколений. При анархии отсутствует слушание того, что говорится в рамках собственного сообщества, что вызывает социальную разобщенность. Таким образом, по наблюдению Розенштока-Хюсси, все перечисленные феномены общественной жизни имеют языковую природу. «Болезни языка» порождают исчезновение совместного времени и пространства для членов данной социальной общности, разрушают «тело» общества. Возврат к целостности в данном случае связан с языковой терапией. «Бедствия» общественной жизни излечиваются «проговариванием».

В-третьих, подлинность языка у Розенштока-Хюсси связана с его формальными свойствами. В обыденном, инструментальном применении язык, по его мнению, выполняет те же функции, что и звуки, издаваемые животными, и может быть к ним приравнен. Ни одна из сущностных характеристик подлинного языка к обыденной

речи неприменима. Кроме того, есть слово-деяние, речь как действие. В качестве таковой выступает формальная речь. Эти два вида языка как принципиально различные несопоставимы ни по существенным характеристикам, ни по выполняемым функциям, ни по целям, на которые направлены.

Именно формальный, подлинный язык Розеншток-Хюсси считает средством создания, поддержания и обновления социальной целостности: «Язык исходит не из common sense, а приходит к нам от отцов – обосновывающих смысл творцов новой организации. Здравый человеческий рассудок использует и делает обыденным существующий язык, и благодаря ему мы чувствуем себя как дома в условиях жесткого и непоколебимого политического порядка» [4, с. 118]. Подлинное слово у Розенштока-Хюсси – это акт веры, сплоченности, послушания, общественного действия, оно должно быть основано на тройственной связи между общественностью, говорящим человеком и духом.

В-четвертых, сила и подлинность языка связана с публичностью. Публичность высказывания гарантирует, что сказанное мы относим к себе. Подлинную силу языка Розеншток-Хюсси видит в приказании, именно эта форма позволяет почувствовать, что такое язык. Приказание поражает, лишает самостоятельности, выводит из равновесия рассудок. Это и есть сила подлинной речи. Поэтому человек, никогда не получавший приказаний, не знает подлинную силу языка: «Заповедь и приказания – это те виды вторжения в ход времени, которые показывают, что понятия мыслителя – это способ предания земле, позволяющий погребать трупы нашего языка. Ибо сила языка полагает, а сила мышления погребает» [2, с. 8].

В-пятых, сила языка связывается с его наиндивидуальностью. Говорить – значит проникать в наиндивидуальное, сверхчувственное измерение, за пределы доступных отдельному человеку пространства и времени. Человек, говоря, пребывает в центре, пространственные и временные направления от которого образуют так называемый «крест действительности», социальную «систему координат». Языком создается усилие, которое обеспечивает защиту от хаоса и дезорганизации, от угрозы впадения в дочеловеческое состояние, и осуществляется сверхприродное трансцендирование пространства и времени.

В-шестых, действенность языка связана с темпоральностью. Язык изначально возник как темпоральный феномен. Его

происхождение Розеншток-Хюсси связывает со стремлением человека трансцендировать за пределы своей жизни, проникнуть во время, предшествующее его рождению, а также во время, следующее за его смертью. Язык дает такую власть. Слово, имеет силу по ту сторону телесного существования человека до него и после него. Розеншток-Хюсси создает своеобразную «онтологию языка». Язык как единый Логос соединяет высказывания, относящиеся к разным временам, и потому создает единое время для многого, единое силовое поле. Подлинное человеческое высказывание должно стремиться к этому единству, к совокупному Логосу всех времен и пространств.

В-седьмых, подлинность языка связывается с его «сверхъестественностью». Розеншток-Хюсси настаивает на том, что адекватная интерпретация феномена языка невозможна без религиозно-философского размышления, поскольку язык – явление сугубо религиозное, «неестественное» и с точки зрения его сущности, и в плане происхождения. Слово принципиально не является частью природы. Природа – это мир минус язык. Библейское изречение «Слово было у Бога» как раз характеризует эту принципиальную «надприродность» языка. Вне «духовной» составляющей язык может интерпретироваться лишь как знак. Понимание языка просто как «знаковой системы» есть, согласно Розенштоку-Хюсси, искажение «тайны Логоса». Если бы язык возник как знаковая система, он остался бы ею, представлял бы собой просто жестикуляцию. Но сущность языка скрыта как раз в том, что мы говорим тогда, когда жестикуляции недостаточно. Возникновение языка связывается с архаическим ритуалом: «Весь язык первоначально был церемонией, которая в пределах короткого промежутка времени сосредоточивала те действия, которые выражали значение всего срока жизни» [2, с. 130].

Таким образом, подлинное слово интерпретируется как социальное действие.

1. Деррида, Ж. О грамматологии / Ж. Деррида : пер. с фр. – М. : Ad Marginem, 2000. – 511 с.

2. Розеншток-Хюсси, О. Бог заставляет нас говорить / О. Розеншток-Хюсси. – М. : Канон+, 1998. – 288 с.

3. Розеншток-Хюсси, О. Язык рода человеческого / О. Розеншток-Хюсси. – М. ; СПб. : Университетская книга, 2000. – 608 с.

4. Розеншток-Хюсси, О. Речь и действительность / О. Розеншток-Хюсси. – М. : Лабиринт, 1994. – 211 с.